

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Ю. Ю. ВЕТЮТНЕВ*

В статье рассматривается вопрос о формальных свойствах правовой коммуникации. Критерии правовой коммуникации необходимо дополнить признаками, относящимися к форме правовой коммуникации, т. е., условно говоря, ее морфологическими аспектами. Исходя из философских представлений о форме, а также законодательных трактовок понятия «форма» обосновывается общее понимание правовой формы. Форма применительно к правовой коммуникации представляет собой внешний способ ее бытия, очертание, границу между нею и другими видами социальной коммуникации. В ходе институционализации происходит эволюция человеческой деятельности от вариативных форм ко все более стандартным, от «импровизированных» к заранее известным, от разрозненных к согласованным, от индивидуализированных к общепринятым. Право является именно той сферой стабильности, точности, гарантированности поведения, где институционализация достигает своей высшей точки. Правовая форма носит образный характер; она представляет собой определенное отношение права к явлениям внешней реальности и критерий отличия права от неправа. В правовой форме сочетаются материальные и идеальные элементы. Правовая форма может проявляться в способе создания текста, его внешнем виде, порядке совершения действий и т. п. Выделяются основные аспекты правовой формы — языковая, документальная, процедурная и визуальная формы. **КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** форма, право, коммуникация, язык, документ, процедура, образ, текст.

VETYUTNEV YU. YU. THE MORPHOLOGICAL ASPECTS OF LEGAL COMMUNICATION

The issue of formal properties of legal communication is observed in the article. Criteria of legal values must be supplemented by features related to the legal form of communication, or, relatively speaking, its morphological aspects. The general understanding of the legal form is substantiated on the basis of the philosophical notions of form and legal interpretations of the concept of “form”. Form applicable to legal communication is an external way of its being, shape, border between it and other forms of social communication. Institutionalization is the way of evolution of human activities from various forms to the more standard, from “improvised” to the well-known, from disparate to conventional, from individual to common. The law is

* Ветютнев Юрий Юрьевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства Волгоградского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы.

Vetyutnev Yu. Yu. — Ph.D. in law, assistant professor of Department of theory and history of law and state of Volgograd Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

E-mail: legalmind@yandex.ru

© Ветютнев Ю. Ю., 2014

exactly the area of stability, accuracy, warranty of behaviour, where institutionalization reaches its highest point. Legal form is a kind of image; it is a certain relation of the law to the external reality and the criterion for distinguishing right from wrong. Legal form is the some combination of material and ideal elements. Legal form may be represented in the way of creating the text, its appearance, the order of actions, etc. The main aspects of the legal forms — language, documentary, procedural and visual forms are distinguished.

KEYWORDS: form, law, communication, language, document, procedure, image, text.

Одним из основных преимуществ коммуникативного подхода к праву является то, что он позволяет перейти от упрощенной схемы правового регулирования как одностороннего процесса к рассмотрению права в качестве сложного полисубъектного взаимодействия, тем самым вводя в круг факторов, подлежащих изучению, не только волеизъявление одного из субъектов, но и ответную реакцию на него. Другое достоинство данной концепции состоит в том, что коммуникативный подход позволяет в полной мере учесть обменную природу права.

А. В. Поляков определяет правовую коммуникацию через нормативное взаимодействие лиц на основе интерпретации социально легитимированных текстов и реализации присущих им прав и обязанностей, при этом исходя из эйдетического приоритета правомочия.¹ Эти критерии правовой коммуникации, как представляется, носят содержательный характер, поскольку могут быть и не явлены в непосредственном наблюдении. Для построения системы критериев их необходимо дополнить признаками, относящимися к форме правовой коммуникации, т. е., условно говоря, ее морфологическими аспектами (учитывая сложившуюся в ряде гуманитарных и естественных наук традицию применения предложенного И. В. Гете термина «морфология» к учению о форме и внешнем виде изучаемых явлений).²

Форма применительно к правовой коммуникации представляет собой внешний способ ее бытия, очертание, границу между нею и другими видами социальной коммуникации. В качестве содержания правовой коммуникации выступают конкретные требования, дозволения, запреты, юридические суждения и решения.

Согласно философии томизма форма не отличается от идеи: «В самом деле, “идея” по-гречески называется то же, что по-латыни именуется “формой”»;³ при этом форма предшествует возникновению вещи либо в силу ее природы (например, огонь порождает огонь), либо как образец в уме ее создателя (например, форма дома — в уме архитектора).⁴

Одно из наиболее глубоких философских исследований феномена формы принадлежит отечественному мыслителю А. Ф. Лосеву, который отождествляет понятия «форма» и «выражение», раскрывая их в ряду

¹ Поляков А. В. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. Курс лекций. СПб., 2004. С. 282–294.

² «Морфология должна содержать учение о форме, об образовании и преобразовании органических тел» (Гете И. В. Размышления о морфологии вообще // Гете И. В. Избранные сочинения по естествознанию. М., 1957. С. 104).

³ Фома Аквинский. Сумма теологии. Ч. I. Вопросы 1–64. М., 2006. С. 215.

⁴ Там же. С. 216.

с понятиями «факт» и «смысл». Согласно А. Ф. Лосеву, форма — это особое видение факта, когда он берется в его соотношении с внешней реальностью (в отличие от смысла, который относится к внутренней жизни факта): «Выражение, или форма, есть смысл, предполагающий иное *вне себя*, соотносенный с иным, которое его *окружает*; он — самораздельность, рассматриваемая с точки зрения иного, приводящего извне (курсив А. Ф. Лосева. — Ю. В.)».⁵

Из определения А. Ф. Лосева вытекает, что формой предмета является то, каким он предстает перед наблюдателем. По существу, форма есть лицо вещи, и отсюда появляется новое определение: «Она — твердо очерченный лик сущности, в котором отождествлен логический смысл с его алогической явленностью и данностью».⁶ В авторской терминологии А. Ф. Лосева «логическим» называется все, что относится к мысли, т. е. идеальное, а «алогическим» — материальное начало. Таким образом, форма представляет собой материальное воплощение идеального содержания.

С точки зрения диалектической логики, как указывал Л. И. Спиридонов, форма есть обособванное и опосредованное бытие, существенная определенность предмета — то, что отличает одно явление от другого в границах целого. Социальная форма опосредует связи индивидов с обществом, наделяет их общественными функциями, включает в систему общественных отношений и обеспечивает устойчивость социальной организации.⁷

Исследуя с философских позиций феномен римского права, В. В. Бибихин обратил внимание на то, что наибольшее историческое значение имело не столько содержание законов, сколько их форма, конструкция, связанная с отчетливой определенностью и общей институциональной структурой.⁸ Римское право представляло собой не столько набор норм определенного содержания, сколько институциональный правопорядок, который именно в силу своей системности смог возродиться в средневековой Европе, когда эта институциональная модель из прошлого стала идеей, в полной мере отвечавшей сложившимся интересам социальных акторов.

В ходе институционализации происходит эволюция человеческой деятельности от вариативных форм ко все более стандартным, от «импровизированных» к заранее известным, от разрозненных к согласованным, от индивидуализированных к общепринятым. Право является именно той сферой стабильности, точности, гарантированности поведения, где институционализация достигает своей высшей точки.

Идея правовой формы становится особенно популярной в рамках марксистского правового учения. В трудах К. Маркса и Ф. Энгельса, впрочем, это понятие не раскрывается. Из немногочисленных пояснений Маркса относительно общего понятия «форма» видно, что он понимал форму вполне традиционно — как способ выражения: «Дальнейший ход исследования приведет нас опять к меновой стоимости как необходимому способу выражения, или форме проявления стоимости».⁹

⁵ Лосев А. Ф. Диалектика художественной формы // Лосев А. Ф. Форма. Стиль. Выражение. М., 1995. С. 14.

⁶ Там же. С. 15.

⁷ Спиридонов Л. И. Марксистско-ленинская интерпретация социальной формы // Спиридонов Л. И. Избранные произведения. СПб., 2002. С. 106–111.

⁸ Бибихин В. В. Форма римского права // Новая правовая мысль. 2002. № 1. С. 61, 64.

⁹ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. I. Процесс производства капитала // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. М., 1960. С. 47.

Хотя понятие формы является одним из наиболее часто встречающихся в тексте «Капитала», где речь идет о формах товара, формах стоимости, формах труда и т. п., относительно правовой формы сообщается не так уж много: 1) одной из правовых форм является договор;¹⁰ 2) сделки представляют собой метаморфозы, т. е. превращения форм капитала;¹¹ 3) юридическая форма сделок не определяет их содержания, а зависит от него;¹² 4) один и тот же способ производства может принимать различные юридические формы.¹³

Заявка на раскрытие марксистской концепции правовой формы содержится в работе Е. Б. Пашуканиса «Общая теория права и марксизм», где автор предполагал «наметить основные черты исторического и диалектического развития правовой формы, пользуясь главным образом теми мыслями, которые я нашел у Маркса».¹⁴ Однако Е. Б. Пашуканис также не дал общего теоретического описания правовой формы, ограничившись лишь тем, что она представляет собой «реальное опосредствование производственных отношений».¹⁵ Для Е. Б. Пашуканиса правовая форма существует в виде противоположностей (субъективное право — объективное право, публичное право — частное право),¹⁶ а ее материальным основанием выступают частные интересы и акты обмена.¹⁷

Вопрос о марксистском понимании правовой формы экономических отношений специально рассматривался в работах В. В. Лапаевой, которая, впрочем, также не дала определения правовой формы, склоняясь к отождествлению правовой формы и правового отношения.¹⁸

Кроме того, складывается тенденция уравнивать правовую форму с правовыми нормами и институтами. Такую позицию занимала, в частности, Р. О. Халфина: «Термин “правовая форма” применяется в различных смыслах — как совокупность правовых норм, как система права, норма права и т. п. Вместе с тем в последние годы все более широко применяется понятие правовой формы как комплекса норм или институтов, опосредующих определенный вид общественных отношений».¹⁹ Однако такое решение неудовлетворительно: во-первых, оно лишает понятие правовой формы

¹⁰ Там же. С. 94.

¹¹ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 2. Кн. II. Процесс обращения капитала // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 24. М., 1961. С. 147.

¹² Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 3. Кн. III. Процесс капиталистического производства, взятый в целом // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 1. М., 1961. С. 373.

¹³ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 3. Кн. III. Процесс капиталистического производства, взятый в целом // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 2. М., 1962. С. 166.

¹⁴ Пашуканис Е. Б. Общая теория права и марксизм // Пашуканис Е. Б. Избранные произведения по общей теории права и государства. М., 1980. С. 41.

¹⁵ Там же. С. 39.

¹⁶ Там же. С. 50.

¹⁷ Там же. С. 94–95, 113.

¹⁸ Лапаева В. В. 1) Анализ правовой формы экономических отношений в «Капитале» К. Маркса. Автореф. дис. ... к. ю. н. М., 1978. С. 9; 2) Вопросы права в «Капитале» К. Маркса. М., 1980. С. 41, 43.

¹⁹ Халфина Р. О. Право как средство социального управления. М., 1988. С. 174. — Этому созвучно определение А. Ф. Шебанова, который полагал, что форма советского права — это «установившаяся на основе Конституции СССР система нормативно-правовых актов» (Шебанов А. Ф. Форма советского права. М., 1968. С. 63).

собственного смысла, а во-вторых, радикально формализует правовые нормы и институты, отрицая наличие у них содержательного аспекта.

Автор единственного в постсоветской юридической науке диссертационного исследования, посвященного правовой форме, Ю. Б. Батурина предлагает следующее определение: «Правовая форма — это объективно выраженная и устойчивая связь между составляющими право элементами (частями), а также между правом и неправовыми явлениями, нуждающимися в правовой регламентации».²⁰ В последней части определения верно намечена такая смысловая особенность правовой формы, как ее «буферное» положение между юридическими и неюридическими аспектами социальной реальности. Однако эта идея неудачно выражена словом «связь», поскольку связь между ними может быть самой различной, в том числе далекой от правовой формы, — например, экономическая детерминация законотворчества, лоббистское давление и т. п.

Вместе с тем понятие формы широко используется в официальных юридических текстах, что дает возможность обратиться за уточнениями к действующему российскому законодательству.

Так, в Гражданском кодексе РФ понятие формы фигурирует в следующих значениях:

1) организационно-правовая форма юридического лица, включающая в себя наименование определенного типа юридических лиц, присущие им особенности создания и ликвидации, распределения ответственности, порядка принятия решений и ведения основной деятельности;

2) форма сделок (ст. 158 ГК РФ), которая существует в следующих вариантах: устная, письменная (простая или нотариальная) или молчаливая; письменная форма сделки помимо самого способа текстуального закрепления воли может предполагать совершение на бланке, наличие печати, засвидетельствование подписи и иные процедурные требования (ст. 160 ГК РФ);

3) формы заключения договора на торгах — конкурс и аукцион, различающиеся по способу определения выигравшего лица (п. 5 ст. 447 ГК РФ).

Итак, исходя из вышесказанного, о правовой форме можно сделать следующие промежуточные выводы.

1) правовая форма носит образный характер;

2) правовая форма представляет собой определенное отношение права к явлениям внешней реальности и критерий отличия права от неправа;

3) в правовой форме сочетаются материальные и идеальные элементы;

4) правовая форма может проявляться в способе создания текста, его внешнем виде, порядке совершения действий и т. п.

Иначе говоря, правовая форма может быть определена как *внешний образ коммуникации, придающий ей юридически значимый характер*. Это понятие, таким образом, шире по смыслу, чем «форма права», которая понимается обычно как способ выражения нормативно-правового предписания; правовая форма присуща не только нормам, но и другим элементам коммуникации, например, требованиям индивидуального значения или отдельным юридическим фактам-действиям.

Формальная сторона права онтологически является вполне самостоятельной по отношению к содержанию. Действительно, содержание

²⁰ Батурина Ю. Б. Правовая форма и правовое средство в системе понятий теории права. Автореф. дис. ... к. ю. н. М., 2001. С. 12.

правовых текстов не всегда является для них чем-то специфичным — оно может быть заимствовано из иных областей социальной жизни; правовые суждения могут быть переложением нравственных правил, религиозных заповедей, идеологических лозунгов и т. п.

Существенной стороной любого предмета является та, благодаря которой он сохраняет свою качественную определенность. Поскольку содержание юридических текстов порой изменчиво до такой степени, что порой за ним невозможно уследить, то лишь относительный консерватизм юридической формы позволяет с достаточной уверенностью идентифицировать те или иные явления в качестве правовых. Благодаря этому текст может утрачивать и приобретать юридические свойства, не меняясь по своему содержанию. Проект закона, одобренный и подписанный всеми необходимыми инстанциями, еще не обладает юридической силой; на другое утро, ничуть не меняясь содержательно, но будучи опубликован в официальном источнике, он становится законом. Спустя некоторое время он может по решению уполномоченных субъектов снова утратить силу, хотя бы в нем не изменилась ни одна буква.

Аналогична, например, позиция Х. Перельмана: нет оснований считать, что решение, корректное с формально-юридической точки зрения и вынесенное уполномоченными органами, утрачивает свой статус правового акта в силу того, что остается без практических последствий.²¹

В. В. Бибахин показывает специфику правовой коммуникации в отличие от обычного общения через серию бинарных оппозиций: формальность и человечность, записываемое и устное, принцип и приспособление, позитивное и естественное, закон и нравы. Формальное противопоставляется человеческому, поскольку требует поступать не так, как подсказывает интуиция или личные отношения, а в соответствии с внешне установленными правилами. Письменное отличается от устного своей особой прочностью и стабильностью (поэтому, строго говоря, письменная форма права не является единственно возможной, ее вполне заменяет громкая и четкая устная артикуляция). Принцип как непреложный образец поведения противоположен гибкости, необходимой для приспособления. Позитивное, т. е. положенное кем-то раз и навсегда (или надолго), отличается от того, что естественно и не нуждается в публичном провозглашении.²²

Таким образом, правовая коммуникация — это не столько конкретные тексты с их исторически изменчивым и часто случайным содержанием, сколько общий режим отчетливой определенности речи и поведения людей. Если такого режима нет, то ни один отдельно взятый закон или их совокупность не способны его обеспечить.

Дальнейшая дифференциация конкретных проявлений правовой формы может производиться по-разному. Так, М. ван Хук приводит позицию Р. Саммерса, который выделяет пять типов правовой формы: существенная форма (включающая такие характеристики, как прескриптивность, общность, полнота и определенность); структурная форма (предполагающая наличие необходимых элементов правовой нормы); выразительная форма (способ выражения правила, включая его письменной изложение, терминологическую сторону и т. п.); объективированная форма (отражение

²¹ *Perelman C.* Justice, Law, and Argument: Essays on Moral and Legal Reasoning. London, 1980. P. 122–123.

²² *Бибахин В. В.* Введение в философию права. М., 2005. С. 4–7.

нормы в источнике права); организационная форма (процедурные правила, компетенция и др.).²³

Принимая в целом этот подход к выделению различных аспектов правовой формы, считаем возможным рассматривать ее как минимум в четырех смыслах.

1. *Языковая форма.* Правовая коммуникация, как и любое социальное взаимодействие, неизменно опосредуется языком как системой знаков, выступающей в качестве предпосылки речи.²⁴ Юридические тексты пишутся и всегда писались на языке, неизменно сохраняющем отличие от общелитературного усредненного языка данной эпохи и общества. Р. Барт в своих эссе «Разделение языков» и «Война языков» показал, что наличие у каждой социальной группы собственного языка, так или иначе вписывающегося в национальный язык (так называемого «социолекта»), является, по существу, залогом выживания данного коллектива. Использование определенных слов и грамматических конструкций позволяет выстраивать ту картину мира, которая функционально необходима данной социальной группе. Эти языки находятся между собой в сложных отношениях, часто построенных на силе и противостоянии.²⁵ Если следовать классификации Барта, то юридический язык относится к так называемым «энкратическим» языкам, которые обладают властным характером — либо рождаются и живут внутри властных группировок, либо используются ими для влияния на остальное общество. Обособление юридического «социолекта» внутри национального языка, по существу, способствует сохранению правовой системы как функционально самостоятельного механизма в составе общества; переход права на разговорный или любой другой язык, соответственно, означал бы постепенное растворение в культуре и утрату своей предметности. Особенности юридического языка (нейтрализация и универсализация, обилие перформативных конструкций и т. п.) соответствуют миссии права и юридического сообщества как хранителей идеи социального порядка.

2. *Документальная форма.* Материализация идеи в звуке или даже действии является относительно эфемерной, недолговечной, требует постоянного повторения и подтверждения. Напротив, «буква закона» обладает одновременно и прочной вещественностью, и одухотворенностью, что позволяет ей стать символом коллективного единства и предметом своеобразного поклонения. При этом к правовой коммуникации относится лишь такой текст, который особым образом выглядит, обладает необходимыми наружными приметами («реквизитами»), традиционно включающими в себя его наименование, дату и место принятия, номер, указание на властного субъекта, его подпись и т. д. Именно эти внешние признаки придают обычному письменному тексту, содержащему некую информацию, особый («юридически значимый») статус, переводят его в привилегированный режим особой авторитетности и влиятельности. Определение набора и вида этих атрибутов составляет исключительную прерогативу высшей власти, поскольку именно через эти символические средства она контролирует потоки правовой информации. Совокупность внешних элементов документальной формы преследует такие основные цели, как локализация

²³ Хук М. ван. Право как коммуникация. СПб., 2012. С. 133–136.

²⁴ Поляков А. В. Коммуникативная теория как вариант интегрального правопонимания // Правовые идеи и институты в историко-теоретическом дискурсе (к 70-летию профессора В. Г. Графского) / отв. ред. Л. Е. Лаптева. М., 2008. С. 12–13.

²⁵ См. подробнее: Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989. С. 519–540.

юридического текста в социальном времени и пространстве, его индивидуализация среди остальных, а также подтверждение его регулятивных свойств, вытекающих из властного санкционирования.

3. *Процедурная форма*, т. е. особый порядок совершения юридических действий, создания юридических текстов и осуществления тех операций, которые в этих текстах описываются. Специфика процедуры связана с тем, что она в отличие от остальных видов юридической формы расположена не только в пространстве, но и во времени, а также с тем, что она вовлекает в себя не только вербальные, но и телесные действия. Речь идет о создании особых хронологических структур, которые дисциплинируют социальный организм, а также имеют легитимирующий эффект.²⁶ В этом смысле юридическая процедура носит характер упорядочивающего и организующего ритма, функционально соответствующего архаичному ритуалу.

4. *Визуальная форма*. Зрительные образы (гербы, дорожные знаки, униформа и т. п.) представляют собой выражение символизма, являющегося неотъемлемой характеристикой правовой формы; они выступают своеобразными опознавательными знаками, которые мобилизуют людей на определенный тип поведения, причем в тех условиях, когда вербальные коммуникативные формы по каким-либо причинам неприменимы и тем самым становятся дополнением к традиционному инструментарию словесных средств правовой коммуникации.

---

²⁶ Денисенко В. В. Легитимность как характеристика сущности права. М., 2014. С. 59–60.